

УДК 81;159.9

Ш. Борбель

Популяризованный национализм и использование языков национальных меньшинств

Аннотация. В статье исследуются проблемы языковых прав этнических меньшинств в контексте нарождающихся в Европе весьма противоречивых общественных тенденций и политических движений. Автор представляет современные интеграционные процессы (глобализацию, распространение влияния средств массовой коммуникации, международные миграционные процессы и т. д.), которые используются в целях усиления политических программ, направленных на активизацию унифицирования самобытных культур и языков национальных меньшинств. Кроме этого автор исследует причины усиления в Европе радикальных и националистических движений, а также приводит основания, формирующие языковую политику. В связи с этим он делает попытку проанализировать некоторые важнейшие явления (так называемые языковой империализм, лингвогеноцид, языковое ущемление, языковая стигматизация и т. д.), происходящие из-за ассиметрических связей между официальным языком («государственным языком») и языками национальных меньшинств.

Ключевые слова: глобализация, постнациональное состояние, национализм, языковой империализм, лингвогеноцид, языковые права национальных меньшинств, интерэтнические конфликты.

S. Borbély

Nationalism popularized and language usage of the national minorities

Abstract. This article analyses the problems of language rights of European ethnic minorities in the context of revitalized political movements and social tendencies. The author begins with presenting the current integrational processes (globalization, spread of communicational tools, international migration, etc.) those enforce the political programs of gradual mixture (creolization, hybridization) and unification (uniformization) of minority languages and unique cultures in modern nation states. The author continues with sharing attention to the ever strengthening neo-nationalism and radical political movements in Europe and their political goals on linguistic matters. In this context, large attention is granted to the modern phenomenons (linguistic imperialism, linguistic genocide, linguistic curtailment, linguistic stigmatization, etc.) derived from the asymmetric relations between the official language («state language») and the minority languages.

Keywords: globalisation, postnational constellation, nationalism, language imperialism, linguistic genocide, language rights of minorities, interethnic conflicts.

Прошло семнадцать лет с тех пор, как в Германии появилась работа Юргена Хабермаса «Постнациональное состояние» [1]. В ней всемирно известный философ, среди прочего, говорил о кризисе современных национальных государств в 21 веке. Его прогнозом было то, что с 18 века государства, находящиеся в стадии формирования, и национальные общины, чётко отделённые друг от друга в территориальном и политическом смысле, в наши дни будут ликвидированы, прекратят своё существование или по крайней мере пере-

дадут своё место такой космополитической демократии, международной организации (мировым сообществам), в которых этническая, культурная расчленённость потеряет своё значение.

За два прошлых десятилетия в возникающих европейских государствах на этнической, национальной почве происходит множество глубоких стремительных экономических, общественных, культурных, политических перемен, на основании которых – подобно Хабермасу – определённо можно предполагать, что партикулярно

этнические, национальные привязанности (интересы местных узких этнических кругов) могут быть ослаблены, а границы национального государства утратят свои прежние чёткие очертания. За прошлые годы проявилось не менее трёх общемировых социальных тенденций, которые, как представляется, радикальным образом будут ослаблять роль национально-государственных границ.

1. Техническое развитие. Компьютеры, интернет, средства массовой информации, современные транспортные средства – вот те воздействующие факторы, в результате которых в наши дни физическое пространство не отделяет друг от друга различные общества и одновременно привязывает их ко многим территориям и многим культурам. Более того, представляется, что, например, новые коммуникационные сети и средства (фейсбук, контакты, смс) без конкретных физических изменений места – в символическом смысле – каждодневно помогают людям выходить из привычных маломасштабных общественных, семейных, местных или национальных связей.

По словам американского антрополога Джеймса Клиффорда, бедуины, которые ведут кочевой образ жизни, занимаясь в шатрах своими повседневными делами, тем не менее, подобно западным людям, ежедневно слушают Би-Би-Си [2, 103]. И этот простой пример показывает, что техническая модернизация закрытых культур, отделённых друг от друга в пространстве, на сегодня совсем изменила представление о них. Этот технический взрыв, на что указывают лингвистические исследования, оказал значительные формальные изменения в самом языке. Кроме лексических изменений (например, в неологизмах или в заимствованных словах, языковых трансферах), новейшее явление, например, крупномасштабные преобразования орфографических стандартов в латыни. Отличный пример этого тексты в Интернете, различные созданные языки программ чат, где с целью облегчения коммуникации пользователи очень часто (сознательно) применяя

их, не обращают внимание на особые знаки препинания (как например, на диакритические знаки над гласными: ó, ú, ŷ, í и т. д.), также на пунктуацию и применение заглавных букв в начале предложений. В результате чего, например, в венгерском, немецком или испанском неформальном письме в наши дни среди молодого поколения постепенно распространяется такой субкультурный языковой стиль, который подрывает ранее широко известный и доминирующий академический или нормативный литературный язык.

2. Глобализация. К этому процессу, распространяющемуся по всей планете и перешедшему через границы стран и континентов, относится в первую очередь образование рыночных экономических систем, которое сопровождает уже упомянутый ранее технический прогресс.

В 21 веке вследствие непрерывного потока экономических, культурных, информационных благ окружающий нас современный мир, согласно многим авторам, представляет собой «плавильный котёл глобального масштаба», преобразовавшийся в «глобальную деревню» [3], в которой постепенно растворяются и унифицируются некоторые национальные общины, а также характерные культурные признаки различных общественных групп. Однако эти глобальные рынки, которые с помощью глобальных сетей интегрируют, соединяют национальные хозяйства, предоставляют возможность формировать параллельно в целом ряде обществ одинаковые вкусы, культурные чувства и настроения. В таких мультинациональных фирмах, как McDonald's, Pepsi Cola, Adidas, Sony, Ford, Mercedes и т. д., распространяются одинаковые жизненный стиль и культурные символы: питание, одежда, доставка покупателей от локальных деревенских общин до мегаполисов. Итак, униформизация культуры означает и униформизацию ценностей. «При таких обстоятельствах локальные идентичности теряют свои корни и заменяются символами товарного мира, кото-

рые заимствуются из реклам и имидж-дизайна мультинациональных фирм» [4, 81].

3. Третьим неоспоримым фактом в ослаблении территориального унифицирования национальных государств можно считать современные миграционные движения, которые, в первую очередь, формируются между периферическими территориями и экономическими центрами. В настоящее время можно наблюдать различные миграционные явления (например, туризм, миграция рабочей силы, изгнание), сопровождающиеся не только изменением физического места жительства, но и очень часто места действий, постоянным «шатанием» между разными культурами. Это явление очень хорошо наблюдается в окружающей нас среде. По официальным данным, в 2012 году из 176 стран по выезду самого большого числа мигрантов первое место заняла Россия; в этом же году более 6 миллионов (6.069.000) русских граждан запросили шенгенскую визу только в Европу, большинство предположительно с целью поступления на работу [5]. Между тем, по иным данным, Российская Федерация является не только «выпускающей» страной, но и притягивающим центром переселения постсоциалистических и восточно-азиатских народов. Это подтверждает тот факт, что на территорию России в 2014 году легально иммигрировало 578.511 человек, в первую очередь с территорий стран ФАК [6]. Всё это важно потому, что данные цифры соответственно показывают: благодаря миграционным и иммиграционным тенденциям, подобно российским, в сегодняшних национальных государствах образуются многочисленные мобильные

рассеянные этнические сообщества, для которых в целом характерны как языковые процессы, т. е. смешение индивидуальных культурных черт (креолизация¹), так и объединение, слияние (гибридизация²), а также постепенное унифицирование (ассимиляция).

Перечисленные общемировые изменения, связанные с техническим прогрессом и глобализацией, заметно влияют на миграционные процессы, национальные и этнические границы, своеобразные культуры, отчего национально-государственные образования к 1960-м годам устарели. На первый план выдвинулись политико-теоретические подходы, которые действуют в соответствии с точкой зрения Хабермаса, считающего важнейшим образование постнационального состояния, характерного для современных процессов. Эта прагматическая идея на сегодняшнее время была полностью отвергнута, ведь в течение 20-ти лет в Европе сформировались многочисленные общественные, социальные, политические движения, которые выступали против глобализации, противопоставляя ей различную транснациональную политику и ставя в центр внимания сопротивление европейским интеграционным процессам.

В качестве примера достаточно привести мировой экономический кризис 2008-го года, после которого, к сожалению, по всей Европе поочередно стали усиливаться национально-популяционные партийные движения или же становиться доминантным социальным фактором деятельность политических национальных партий. В последние годы, например, во Франции

¹ Метафора креолизации – как и многие другие понятия культурологии – заимствована из языкознания и указывает на внутреннюю гетерогенность какой-либо культуры, на её смешанный характер, на размывание границ между культурными формами, имеющими различное происхождение, и на формирующийся вследствие этого новый синтез. Об определении данного понятия см.: [7, 105-120.]

² Гибридизация означает слияние «пришлых» и «исконных» культурных логик и образов мысли, течений, культурных признаков. Это процесс, в ходе которого не только осуществляется смешение (фузия) специфических элементов двух или нескольких культур, но по сути, формируется специфическая, новая культурная система знаков. Ведь созданную таким образом культурную формацию уже невозможно идентифицировать или охарактеризовать через индивидуальные черты одной из прежних культур. В соответствии с этим понятие «гибридизации» обозначает смешение различных культур, взаимное переплетение разных культурных логик и идентичностей, слияние культурных течений, которые ставят под сомнение иерархическую систему культурных различий, основанную на четких разграничениях.

ультраправый Национальный Фронт (NF) руководителем которой является Жан-Марі Ле Пен, Британская Национальная Партия в Англии (BNP), в Греции ультралевая радикальная партия Сириза и Независимая Греческая Партия переросли в массовые партии вследствие того, что выстояли со своей идеей государственного национализма, сурового режима, консервативной морали и продолжают вести радикальную политику против иммиграции. В Дании Датская Народная Партия получила важную социальную поддержку, популярность которой демонстрирует дискуссия против правоверных [8]. В Бельгии Фламандский Блок провозгласил этнически чистую национальную общность, на базе кровно родственного этнического национализма, и продолжает вести политику против правоверных и иммиграции [9; 10]. Шотландское и северо-ирландское стремление к независимости, фламандско-валлонские конфликты в Бельгии, греко-турецкие противостояния на Кипре, автономное устремление каталонцев в Испании, обострённый этнический конфликт на Украине между украинской и русскоязычной общиной показывают, что языковая и культурная разобщённость, политическая парадигма гомогенного национального государства снова становятся наиважнейшей проблемой.

За прошлые годы было выпущено множество эмпирических – усиленно негативных – исследований по дискриминации и ксенофобии расизма, т. е. по различным (этническим, языковым, религиозным, половым и т. д.) меньшинствам и по отношению к иммигрантам. Согласно одному международному исследованию, в 2009 году Венгрия, например, однозначно являлась одной из стран, претендовавшей на самый высший правовой экстремизм [11]. К сожалению, из 33 стран Венгрия занимает пятое место, и всего лишь в Болгарии, на Украине, в Латвии можно увидеть высшие показатели. Важным итогом данного исследования является подтверждение того, что в настоящее время психологическая

потребность исповедовать экстремистскую идеологию сильнее в таких странах, в которых тоталитарные, диктаторские режимы играли значительную историческую роль в формировании политических систем 20 века – иначе, где авторитетность идей «политическим опытом» пронизывала всё общество.

В связи с этим, основной темой моего доклада является изложение того, какое значение имеют изложенные процессы – новый национализм и возрождённые этнические движения в Европе – в области использования языка, а также в отношении политической, общественной, культурной деятельности современных демократий.

Сформулирую данное положение проще: какая зависимость существует между политическими стремлениями большинства национальных общностей в осуществлении своих прав применительно к употреблению языка групп национальных меньшинств?

На этот вопрос ответ очень прост. Современные национальные государства почти без исключения мультиэтнические, разделённые в социокультурном смысле, где на одной данной территории существуют различные этнические, культурные, религиозные, языковые общности. В этих современных демократиях между нациями, создающими государство, и общностями национальных меньшинств связь очень часто асимметрическая, что и выражается в неравной доступности к праву использования языка. В этом смысле вышеуказанные этнополитические конфликты и националистические движения могут быть описаны как один доминирующий национальный, вернее, стигматизированный³ язык или как язык, противопоставленный языку ограниченных меньшинств. Источником напряжённости в этом случае является то, что как многочисленные общества, так и противостоящие им группы меньшинств, стремятся к сохранению своей независимости и интеграции, в котором автономия языка играет основную роль.

Опыт подтверждает и то, что различные

этнополитические конфликты современности большей частью начинаются в группах меньшинств, в которых ограничивают употребление их языка, что может привести к различным формам динамического взаимовлияния (к физическому насилию или даже к вооружённой борьбе) – от языковой агрессии через враждебную позицию. Значит, от национализма того большинства, которое формирует нацию, исходит направленный империализм против родного языка, выражающий сущность идентичности национально-этнических обществ.

Экстремальным случаем групповых конфликтов, происходящих на почве языка, считается так называемый лингвогеноцид (в английской спецлитературе – *linguistic genocide*), т. е. язык этнических меньшинств приговаривается к вытеснению и уничтожению. Это случилось, например, с большинством индейских языков Южной Америки в результате испанской колонизации, из которых на сегодня в отдельных странах используется лишь часть в узких кругах меньшинства (к примеру, некоторые языки кечуа). Подобная лингвогеноциду тенденция, но менее драматическая – ущемление языка (на английском: *linguistic curtailment*): один данный язык так часто появляется в письменных и визуальных средствах массовой информации, что постепенно вытесняет другие языки, ограничивая этим их применение количественно и качественно [13, 14]. Хотя результатом прежних различных обоснований этого в какой-то мере может быть характерный пример из мировых языков: и сегодня существует монопольное положение английского языка, правда, со следующими двумя уточнениями. С одной стороны, «вытесненные» английским другие языки только в определённых функциях оттеснены на задний план (т. е. образуется положение типа диглоссии, двуязычности, когда один язык подчиняется в обществе

другому). С другой стороны, количественно да, но качественно не факт, что другой язык попадает в особенно невыгодное положение. Распространение английского языка в области просвещения один из английских авторов Филлипсон считает результатом языкового империализма, делая ссылку на то, что в современной Европе (и в других частях мира) самый распространённый иностранный язык в системе образования – английский язык [14].

Сглаживание дистанции между культурами, а также уменьшение интерэтнических конфликтов является по существу первым шагом в попытке изучения второго иностранного языка. Освоение сущности языка как статуса «чужого» содержит в себя возможность того, чтобы стороны, вступающие в двусторонние отношения между собой, формировали их на основе диалога: т. е. с помощью языкового контакта находили взаимные уникальные ценности, признавали своё равноправие, совместно искали истину, возможность улучшить взаимопонимание. На основе всего этого общества и языки, которые находятся в положении меньшинств, способны играть важную роль в формировании политической морали современных демократий: их функционирование не позволит в одном обществе стать гегемоном одной государственной нации, с доминирующей культурой и языком.

Знание «другого» языка, отличающегося от нашего собственного, прежде всего означает процесс пунктуального перевода, декодирования специфичного значения «чужой» культуры. Внешний перевод – простое задание, ведь только выражения, обороты речи и грамматические структуры кажутся механически взаимно соответствующими, но языковые разнообразия во многих случаях покрывают серьёзные факты различия. Итак, механический пе-

³ Понятие «стигмы» первоначально означало дискриминацию, проводимую на основе какого-либо внешнего физического признака. В переносном смысле стигматизация – выражение, указывающее одновременно на форму и на процесс дискриминации лица или группы на основе какого-либо заметного свойства, им присущего. Об истолковании и типизации данного явления см.: [12]

ревод с одного языка на другой, соответствие между словарным составом приводит к недоразумениям и тяжёлым последствиям. Одним из примеров интеркультурного недоразумения, который часто упоминают, следующий: в конце второй мировой войны державы-союзники США, Великобритания и Советский Союз предъявили ультиматум Японии и потребовали от неё немедленной и безоговорочной капитуляции. На одной из пресс-конференций, когда спросили премьер-министра Сузуки об ультиматуме, он заявил, что не видит смысла к призыву. «Всё, что нужно нам делать, – говорил премьер-министр – ни что иное, как „mokusatsu”».

В интересах японского правительства он очень внимательно выбрал выражение для формулировки позиции. Намеренный смысл министра – желание вежливо выразить то, что японское правительство в настоящий момент не желает комментировать ультиматум, хотя в капитуляции оно

заинтересовано, но для переговоров требуется больше времени. Проблема была только в том, что выражение «mokusatsu» в японском языке имеет различные значения: от «не берёт во внимание» до «пренебрежения» выражение может означать, что угодно. Японское слово западные переводчики применили в смысле «однозначный отказ», что и привело к продолжению войны и использованию атомного оружия [15, 83].

Данный пример демонстрирует, что изучение языка – не только прагматический вопрос, имеющий практическую ценность. Это и такой «чужой» взгляд со стороны, основанный на зрелом опыте, который признан на основе «экзистенциальной» позиции нормативов, приводящих к ограничению пристрастности. Наконец, изучение языков меньшинств и уважение языковых прав – не что иное, как одна из основных предпосылок того, чтобы наше общество стало более демократичным.

Литература

1. Habermas, Jürgen. Die postnationale Konstellation. Politische Essays [Постнациональное состояние. Политическое эссе]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 272 с.
2. Clifford, James. «Travelling Cultures» [Путешественные культуры] // Grossberg, L. (eds) Cultural Studies. New York: Routledge, 1992. С. 96-116.
3. McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. [Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры] Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 с.
4. Beck, Ulrich. Was Ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. [Что такое глобализация? Ошибки глобализации – ответы на глобализацию]. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1997. 270 с.
5. Eurostat database [Евростат база данных] URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/visa-policy/docs/overview_of_schengen_visa_statistics_en.pdf (дата обращения: 05.08.2015).
6. Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 05.08.2015).
7. Niedermüller Péter. Etnicitás és politika a későmodern nagyvárosokban [Этничность и политика в современных крупных городах] // Replika. – 1999. – № 38. – С. 105-120.
8. Grinderslev, E., Thoft, E. Xenophobic populism in Denmark – the Welfare State under pressure. Interim country report on qualitative findings. [Ксенофобный популизм в Дании – государство благосостояния под давлением. Промежуточный отчет на основании качественных результатов в стране.]. Denmark – Copenhagen: European Commission, 2002. 72 с.
9. Brubaker, Roger (1999): The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between “Civic” and “Ethnic” Nationalism [Манихейский миф: Преосмысление различия между “гражданского” и “эт-

нического” национализма] // Kriesi, Hanspeter et al. (eds), *Nation and National Identity, The European Experience in Perspective*, Zürich: Verlag Rüegger, С. 55-72.

10. Mudde, Cas. The single-issue party thesis: Extreme right parties and the immigration issue. [Единственный вопрос партийного дела: Экстремальные правые партии и вопрос иммиграции] // *West European Politics*. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – С. 182-197.

11. Krekó Péter – Juhász Attila – Molnár Csaba. A szélsőjobboldal iránti társadalmi kereslet növekedése Magyarországon. [Увеличение общественного спроса к радикальным партиям в Венгрии] // *Politikatudományi Szemle*. – 2011. – № 2. – С. 53-79.

12. Goffman, Erving. Stigma és szociális identitás. [Стигма и социальная идентичность.] // Erős Ferenc (szerk): *Megismerés, előítélet, identitás. Szociálpszichológiai szöveggyűjtemény*. Budapest: Új Mandátum, 1998. С. 263–295.

13. Pennycook, Alastair. The Cultural Politics of English as an International Language. [Культурная политика английского языка, как международного языка.] London–New York: Longman, 1994. 365 с.

14. Spolsky, Bernard. Language Policy. [Языковая политика.] Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 с.

15. Gálosi Adrienn. Fordítás és etika [Перевод и этика] // *Iskolakultúra*. – 2000. – Vol. 10. – № 4. – С. 82-92.

References

1. Habermas, Jürgen. Die postnationale Konstellation. Politische Essays [Postnacionalnoje sostoyanie. Polityicheskoye jesse]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998. 272 с.

2. Clifford, James. Travelling Cultures [Putyeshestvennyye kultury] // Grossberg, L. (eds) *Cultural Studies*. New York: Routledge, 1992. С. 96-116.

3. McLuhan, Marshall. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. [Galaktyika Gutenberga. Sotvorenije cheloveka pechatnoj kultury.] Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 с.

4. Beck, Ulrich. Was Ist Globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung. [Sto takoje globalizacija? Osibki globalizaciji - otvety na globalizaciju.] Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1997. 270 с.

5. Eurostat database [Jevrostat baza dannyih.] URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/visa-policy/docs/overview_of_schengen_visa_statistics_en.pdf (дата обращения: 05.08.2015).

6. [Federalynaja cluzhba gosudarstvennoj statistiki. Chuslennosty i migracija naceleennija Rossijskoj Federacii v 2014 godu.] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 05.08.2015).

7. Niedermüller Péter. Etnicitás és politika a későmodern nagyvárosokban [Etnichnosty i politika v sovremennyh krupnyh gorodah] // *Replika*. – 1999. – № 38. – С. 105-120.

8. Grinderslev, E., Thoft, E. Xenophobic populism in Denmark – the Welfare State under pressure. Interim country report on qualitative findings. [Ksenofobnyj populizm v Danyi - gosudarstvo blagosostojanija pod davleniem. Promezhutochnyj otchet na osnovanii kachestvennyh pezulytatov v strane.] Denmark – Copenhagen: European Commission, 2002. 72 с.

9. Brubaker, Roger (1999): The Manichean Myth: Rethinking the Distinction between “Civic” and “Ethnic” Nationalism [Manihejskij mif: Preocmyslenije razlichija mezhdú «grazhdanskogo» i «etnicheskogo» nacionalizma] // Kriesi, Hanspeter et al. (eds), *Nation and National Identity, The European Experience in Perspective*, Zürich: Verlag Rüegger, С. 55-72.

10. Mudde, Cas. The single-issue party thesis: Extreme right parties and the immigration issue. [Jedinctvennyj vopros partyijnogo dyela: Ekstremalynye pravye partii i vopros ummigracii] // *West European Politics*. – 1999. – Vol. 22, – No 3, – С. 182-197.

11. Krekó Péter – Juhász Attila – Molnár Csaba. A szélsőjobboldal iránti társadalmi kereslet növekedése Magyarországon. [Uvelichenije obshchestvennogo sprosa k radikalnym partyijam v Vengrii] // *Politikatudományi Szemle*. – 2011. – Vol. No 2. – С. 53-79.

12. Goffman, Erving. Stigma és szociális identitás. [Stigma i socialynaja identichnosty.] // Erős Ferenc (szerk): Megismerés, előítélet, identitás. Szociálpszichológiai szöveggyűjtemény. Budapest: Új Mandátum, 1998. C. 263-295.

13. Pennycook, Alastair. The Cultural Politics of English as an International Language. [Kulyturnaja polityika anglijskogo jazyka, kak mezhdunarodnogo jazyka.] London–New York: Longman, 1994. 365 c.

14. Spolsky, Bernard. Language Policy. [Jazykovaja polityika.] Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 262 c.

15. Gálosi Adrienn. Fordítás és etika [Perevod i etyika.] // Iskolakultúra. – 2000. – Vol. 10. – № 4. – C. 82-92.